

Тема семинара

Феномен русской власти:
преемственность и изменение

Доклад

Русская власть, история Евразии и мировая система:
mobilis in mobile
(социальная философия русской власти)

А.И. Фурсов, кандидат исторических наук

Что менялось? Знаки и возглавья.
Тот же ураган на всех путях:
В комиссарах — дурь самодержавья;
Взрывы революции в царях.

Максимилиан Волошин

Но жизнь и русская судьба
Смешали клички, стерли грани:
Наш «пролетарий» голытьба;
А наши «буржуа» — мещане;
Мы все же грезим русский сон
Под чуждыми нам именами.

Максимилиан Волошин

Если людям будущего суждено когда-либо
разорвать цепи настоящего, они должны будут
понять те силы, которые выковали эти цепи.

Баррингтон Мур

I

Китайцы говорят: «Не дай бог жить в эпоху перемен». Русские (устаами Тютчева) отвечают: *«Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые»*. Впрочем, китайцев этим не убедишь, для них Россия — это страна постоянных и неожиданных изменений и потрясений. По-китайски Россия — «э го» — «государство затягивания и мгновенных перемен»¹, а относится оно к разряду народов, обращенных в себя (к этому же разряду относятся мусульмане — «хуйцзу»).

Россия это, действительно, страна, где «затягивания» (застой) мгновенно сменяются переменами, реформами и революциями (смуты). Причем реформы, как правило, ведут к результатам, которые диаметрально противоположны задуманному. Практически все русские реформы — от Избранной рады до горбачевщины — оказывались контрпродуктивными, а порой просто рушили систему и разваливали страну.

Почему? Ведь хотели как лучше. В этом-то «лучше» все дело. Под «лучше», как правило, понималось «как на Западе». Реформы проводились так, чтобы подогнать Россию к некой западной норме. В эту норму верила как власть, так и большая часть интеллигенции, которая интерпретировала социальную природу и историю своей страны на какой угодно лад — либеральный, марксистский, евразийский, но не на русский. Иными словами, они описывали русскую реальность и прогнозировали ее развитие в терминах и понятиях, отражающих чужие реалии — грезили *«русский сон под чуждыми нам именами»*.

¹ Для сравнения: Англия — «ин го» — «государство выдающегося таланта»; Франция — «фа го» — «государство логики закона»; Германия — «дэ го» — «государство нравственного закона»; США — «мэй го» — «прекрасное государство» (Девятов А. Красный дракон. Китай и Россия в XXI веке. М.: Алгоритм, 2002. С. 33).

Экономика, социология, политология давали замечательные результаты в изучении североатлантического ядра капиталистической системы 1850–1970-х гг. И это вполне естественно: западная конвенциональная наука «заточена» под объяснение определенного типа общества — такого, где власть и собственность обособлены, где четко дифференцированы экономическая, социальная и политическая сферы, а потому базовые единицы их организации — рынок, гражданское общество и политика — легко конституируются в качестве базовых объектов анализа трех социальных дисциплин.

Ну а как быть с изучением обществ, где власть и собственность не дифференцированы — почти или совсем? Где не было ни рынка в буржуазном смысле слова, ни гражданского общества, ни политики? Где само оформление классов — будь то феодалы или буржуазия — было возможно (в отличие от Запада с его высоким уровнем избыточного продукта) на основе отчуждения значительной части необходимого продукта, а следовательно, означало не прогресс (при всей условности этого термина), а регресс? Как с помощью понятийного аппарата экономики и особенно социологии и политологии описывать и объяснять реалии обществ, в которых нет или не было базовых объектов, конституирующих эти дисциплины? Помещать в прокрустово ложе чуждых теоретических схем и понятий, но ведь метод и теория должны соответствовать природе изучаемого объекта, а не навязываться извне.

Еще хуже, когда в прокрустово ложе пытаются загнать не теорию, а практику; когда под чуждыми именами начинают грезить не теоретический сон, а практическую явь. Понятийная катастрофа ведет к социальной, разруха в головах — к разрухе общественной. Мы это проходили не раз и, похоже, почти ничему не научились. А ведь первый шаг прост — начать смотреть на свою историю своими глазами, а не чужими. Собственно, к этому нас призывают даже западные коллеги. Так, Д. Ливен, автор книги «Империя: Российская империя

и ее соперники» (*Lieven D. Empire: The Russian Empire and Its Rivals.* — L.: John Murray, 2000), отметив, что в современных сравнительных исследованиях политической науки (и не только в ней) господствует превращенная в догму вигская интерпретация истории — *«странная версия англо-американского самопоздравления-самовосхваления, написанная в немецкой манере»*, заключил: русские должны взять на себя инициативу в написании русской истории. Т.е. речь идет о том, чтобы в осмыслении своей истории не следовать чужим схемам, отражающим чужой — западный — опыт и подаваемым в пропагандистских целях в качестве универсальных, а разрабатывать свои, вытекающие из русской реальности, адекватные ей, «заточенные» под нее. Такой подход требует не просто новых теорий, а новых дисциплин — например, «русских исследований». Но пока такая дисциплина не создана, остается работать в сфере социальной философии и искать такие базовые объекты исследования, которые способны конституировать «русские исследования» так же, как «гражданское общество» конституирует социологию, а «политика» — политическую науку.

Что может стать таким базовым объектом для понимания русского мира, его истории? Что является константой для русской истории, взятой в качестве системы, — такой константой, какой, например, для капиталистической системы является капитал? Что есть константа, образующий элемент, который присутствует во всех структурах русской истории и, более того, усиливается в каждой последующей, достигая кульминации и исторически чистой формы в советском коммунизме, который, на мой взгляд, является ключом одновременно к русской истории и к мировой истории XX века? Что можно выделить в качестве такой базовой единицы анализа русской реальности, которая будет адекватна последней и позволит уйти от ложных «социологизации» и «политологизации» этой реальности — короче, от вестернизации, на которой строились многие из окончившихся катастрофой русских реформ.

Специфика каждой крупной/сложной социальной системы заключается в ее системообразующем элементе как базовой единице ее организации. В индийской системе это каста, в античной — полис, в капиталистической — капитал. А что является базовой единицей русской истории, взятой как система?

II

Таким элементом, на мой взгляд, в русской истории является власть. Эта власть не сводится к государственности, хотя у нее есть государственное измерение; эта власть не является политической, хотя дважды — на рубеже XIX–XX и XX–XXI вв. — на короткое время у нее появлялось и политическое измерение (как результат ее разложения).

У русской власти, как мы увидим, нет аналогов ни на Западе, ни на Востоке, это исключительно русский феномен. В то же время — и в этом один из главных парадоксов русской власти, одно из ее главных противоречий, — она, во-первых, никогда не возникла бы на русской почве без взаимодействия с тенденциями и феноменами общевразийского развития и, во-вторых, не получила бы своей завершенной формы вне капиталистической системы, без взаимодействия с тенденциями и феноменами общемирового развития. В связи с этим термин «русская власть», который я буду использовать, отражает весьма сложную по содержанию и строению субстанцию, сформировавшуюся как русский ответ на нерусские — евразийские и мировые — воздействия. Я буду называть эту власть «центроверхом», чтобы не прибегать к таким терминам, как «государство», «патримония» и т. п. Анализируя специфику этой власти (ее главные черты — надзаконность и социально однородный характер), мы двинемся из настоящего в прошлое — от коммунизма к самодержавию.

III

Каков был юридический статус КПСС? Попросту говоря, была ли она легальной организацией? На первый взгляд, этот вопрос звучит абсурдно: ведь о КПСС говорилось в Конституции 1977 г. (ст. 6, гл. I) и в Конституции 1936 г. (ст. 126, гл. XII). В «брежневской» конституции КПСС объявлялась руководящей и направляющей силой советского общества. Однако, во-первых, все это — не юридические формулировки. Это метафоры, не конкретизированные юридическими формулировками. Легальность, право — это не общие заявления, а юридические формулировки и четко прописанный правовой механизм. Во-вторых, ст. 6 противоречила Гражданскому кодексу СССР, согласно которому любая организация существует только в том случае, если государство ее разрешило, и этот разрешительный порядок зафиксирован в соответствующем законе. Советское государство разрешило все организации, кроме одной — КПСС, которая была над законом, внезаконной. Именно она «разрешила» и советское государство, и советские законы, источником которых — так было сформулировано в советских учебниках права — были решения КПСС.

Коммунистические руководители прекрасно понимали надзаконный характер коммунистической власти, причем с самого начала. Ленин писал о том, что коммунистическая власть («диктатура пролетариата») есть *«ничем не ограниченная, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненная, непосредственно на насилие опирающаяся власть»*, что *«юридическая и фактическая конституция советской республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу»*, т. е. партия — над законом, над конституцией.

Но, быть может, так было только в начале? Переносимся в хрущевские времена — в так называемую «оттепель». Когда в 1960 г. Н.С. Хрущев узнал, что находящимся под судом

Рокотову, Файбишенко и Яковлеву — королям советского «черного рынка», возглавлявшим сеть нелегального оборота золота и иностранной валюты, светят всего лишь пять-шесть лет тюрьмы, он потребовал расстрела, поскольку речь шла об огромных для того времени суммах — около миллиона рублей. Генеральный прокурор попытался возразить, что такое наказание не соответствует закону. Хрущев пришел в ярость и заорал: *«Закон над нами, над коммунистической партией или мы над законом?!»*. Ответ был очевиден. В результате, за время суда законы менялись трижды и обвиняемых подвели под расстрельную статью.

Наконец, наиболее интересный пример — из финала горбачевщины. Летом 1990 г. генсек КПСС получил секретный документ под названием *«О неотложных мерах по организации коммерческой и внешнеэкономической деятельности партии»*. Он датирован 23 августа 1990 г., имеет № 15703 и направлен за подписью заместителя Горбачева по ЦК КПСС Ивашко. Документ констатирует: *«Как свидетельствуют уроки Восточной Европы, непринятие своевременных мер по оформлению (речь, понятно, идет о юридическом оформлении. — А.Ф.) партийного имущества применительно к требованиям коммунистической работы и включение его в нормальный хозяйственный оборот, особенно в условиях перехода к рынку, неминуемо грозит тяжелыми последствиями для партии»* (с. 2 документа). Далее идут конкретные рекомендации, как избежать тяжелых последствий: *«Потребуется соблюдение разумной конфиденциальности и использование в ряде случаев анонимных форм (подставных фирм. — А.Ф.), маскирующих выходы на КПСС. Конечная цель, по-видимому, будет состоять в том, чтобы наряду с «коммерциализацией» имеющейся в наличии партийной собственности, планомерно создавать структуры «невидимой» партийной экономики, к работе с которой будет допущен очень узкий круг лиц, определяемый Генеральным секретарем ЦК КПСС или его секретарем»* (с. 2–3 документа). Не этот ли «узкий круг» на-

чал осенью 1991 г. полеты из окон — не во сне, а наяву — и стал в массовом порядке кончать жизнь самоубийством?

«Невидимую» сеть партийной экономики в документе предлагалось создавать неотложным образом по следующим направлениям.

«— Подготовить предложения о создании каких-то новых «промежуточных» хозяйственных структур (фонды, ассоциации и т. п.) (не знаю почему, но когда я прочел эти строки, у меня в памяти тут же возникли связи: «фонд» — фонд Горбачева, «ассоциация» — ассоциация Шеварднадзе. — А.Ф.), которые при минимальных «видимых» связях с ЦК КПСС могли бы стать центрами формирования «невидимой» партийной экономики;

— безотлагательно приступить к подготовке предложений об использовании анонимных форм, маскирующих прямые выходы на КПСС, в разворачивании коммерческой и внешнеэкономической деятельности партии;

— рассмотреть вопросы о создании контролируемого ЦК КПСС банка с правом ведения валютных операций, об участии партии своими валютными ресурсами в капитале оперирующих в международном масштабе фирм, контролируемых хозяйственными **организациями друзей** (выделено мною; кратократический новояз — А.Ф.). Для обеспечения внешнеэкономической деятельности следовало бы также безотлагательно начать аккумуляцию на отдельном счете КПСС партийных взносов заграничных учреждений;

— провести консультации с Госснабом СССР по вопросу об использовании для внешнеэкономического сотрудничества партии советского имущества, остающегося после вывода советских войск из Чехословакии, Венгрии и ГДР» (с. 4–5 указанного документа).

Что же получается? КПСС — у власти, а коммунист № 2 пишет коммунисту № 1 о необходимости создания «невидимой» (т. е. внезаконной) структуры партийной экономики. Почему? Да потому что власть — надзаконна, внезаконна, а

следовательно, и ее «экономика» (т. е. пущенное в дело имущество, не являющееся собственностью, т. к. нет собственника; собственность есть не кража, а юридическое отношение, предполагающее наличие юридического лица, разрешенного государством) должна быть внезаконной, нелегальной. Отсюда — в силу природы власти — всего один шаг до использования в указанном процессе незаконных, т. е. криминальных методов, средств и групп создания такой «экономики» как наиболее адекватных по своей, потусторонней закону природе, что и произошло в 1990-е гг.

Итак, власть в третьей структуре русской истории — советском коммунизме — носила надзаконный характер. А как обстояло дело с первой и второй структурами — Московским и Петербургским самодержавиями?

IV

Историкам так и не удалось решить вопрос о социальной природе самодержавия. Одни пытаются втолкнуть его в прокрустово ложе «восточного деспотизма», другие приравнивают к «западному абсолютизму». Мне обе эти точки зрения представляются ошибочными. На самом деле, самодержавие — исключительно русский феномен. Хотя «западный абсолютизм» (как и русское самодержавие) — власть субъектная, а «восточный деспотизм» — системная, не предполагающая субъекта, растворяющая его в себе, по линии ограниченности законом, подзаконности, высокоинституционализированного характера, у них больше общего друг с другом, чем с самодержавием.

На Востоке, будь то Япония, Китай или Индия, власть тэнно/сегуна, хуанди или султана была ограничена — традицией, ритуалом, обычаями, наконец, законом. Если говорить о Западе, то там власть абсолютных монархов ограничивалась правом, на котором строился весь оксидентальный порядок:

король, даже если речь идет о Франции XVII — XVIII вв., считающейся модельной абсолютной монархией, мог менять законы (хотя и это было вовсе не так просто), но он должен был им подчиняться. Последние два года своей жизни Людовик XIV (тот самый, которому приписывают фразу *“l'État c'est moi”* — «государство — это я») провел в слезах.

Дело в том, что регентом при наследнике должен был стать ненавидимый Людовиком Филипп Орлеанский. И Людовик ничего не мог с этим поделать — все было по закону. Можно ли представить в такой ситуации русского самодержца от Ивана IV, готового передать престол хоть принцу датскому (моя воля), до Екатерины II, собиравшейся возвести на престол внука вместо сына? Конечно, нет. В «натуральном» самодержавии, по самой его природе, такая ситуация невозможна. Ведь самодержавие предполагает, что государева воля — единственный источник власти и закона, внутренней и внешней политики и, разумеется, определения наследника, что, кстати, и было зафиксировано Петром I в 1722 г. Самодержавный царь — это вам не король, император и не падишах какой-нибудь. Это царь-самодержец. Аналогов не имеет. По сути, это замороженная революционная власть. Неслучайно самодержавие возникло революционным путем (опричнина), посредством и в результате сверхсубъектного, волюнтаристского акта. Волюнтаризм — имманентная черта русской власти.

Первое самоограничение самодержавной власти произошло 5 апреля 1797 г., когда Павел указом о престолонаследии установил порядок передачи престола; по сути и логике самодержавия, такого порядка быть не должно — все определяется волей монарха. Следующий крупный шаг в самоограничении — октябрьский (1905 г.) манифест Николая II. Третьим — детальным для самодержавия — «ограничением» стала февральская революция 1917 г. Так сказать, мат в три хода. За ней, однако, последовала Октябрьская революция и установление коммунистического режима, сутью которого

была надзаконная и автосубъектная власть, но уже не в виде монарха, а в виде партии, точнее — ее ЦК, а еще точнее — генсека.

Таким образом, самодержавие, как и коммунизм, было надзаконной властью. Факт устойчивости и, по сути, самовоспроизводства этой власти свидетельствует и о ее глубоких корнях, и о ее адекватности, если не оптимальности для русского мира и его организации.

Показательно, что даже борцы с самодержавием в своих проектах будущего «послесамодержавного» устройства воспроизводили надзаконную матрицу. Так, по проекту Павла Пестеля — «Русской Правде» — в России после свержения самодержавия вводились республиканский строй и разделение властей: законодательная (Народное вече), исполнительная (Державная дума), судебная. Все как, например, в Америке после 1776 г.

Однако над тремя ветвями власти должна была возвышаться еще одна — четвертая, а точнее, первая. Называлась она «блустительная власть». На самом деле, то была сверхвласть, власть надзаконная. Ее задача — контроль над тем, чтобы три ветви не выходили за рамки Конституции. Центральный орган «блустительной власти» — Верховный собор, который состоял из 120 (по-видимому, по числу активных декабристов) **избравшихся пожизненно** членов, именуемых **боярами** (кстати, именно Верховный собор назначал главнокомандующего во время войны).

Перед нами, по сути, нечто, напоминающее ЦК КПСС, по сути — олигархическое, коллективное самодержавие, которое, впрочем, довольно легко превращается в индивидуальное: диктатор де-факто превращается в монарха (в виде чего-то похожего на протектора, «отца нации» и т. п.) или даже де-юре провозглашает себя таковым. О том, насколько легко и, самое главное, логично русская власть переходит от коллективной формы к индивидуальной, свидетельствует история советского коммунизма — вовсе немонархического

строю: правление каждого нового генсека начиналось с «коллективного руководства» («возвращение к ленинским нормам»), а заканчивалось тем, что партийным новоязом обозначалось как «культ личности» или «волюнтаризм».

Таким образом, надзаконность (надконституционность) Администрации Президента РФ не есть ни злой умысел, ни выверт истории — это системно-историческая черта, воспроизводство которой лишний раз доказывает «правило А.А. Зиновьева»: *«Эволюция крупных сложных систем необратима»*. В ходе эволюции системы могут менять структуры, структурно меняться, но *“la plus ça change la plus ça rête la même chose”*, по крайней мере, по своей сути, по базовым принципам. Более того, структурные кризисы и изменения (часто осуществляемые с помощью противников системы — «принцип «Матрицы-2», наиболее ярко проявляющийся в истории капсистемы) как раз и обеспечивают сохранение системы, постоянно жертвующей своими конкретными историческими структурами, отбрасывающей их, как ящерица хвост. Но как могла возникнуть столь необычная власть? По логике — только весьма необычным образом, в необычных исторических условиях.

V

Некоторые историки обуславливают специфику русской власти принятием византийского наследия. Другие говорят о переносе на русскую почву монгольских (ордынских) форм; эту версию нередко подкрепляют тем фактом — совершенно верным, — что домонгольская Русь не знала таких форм власти, которые установились на Руси во второй половине XVI — первой половине XVII вв.: ни Киевская, ни Владимирская Русь не знали феномена надзаконной власти. Но обратим внимание на два других факта: во-первых, надзаконной власти не знала и Орда (кстати, как не знала и Византия); во-

вторых, эта власть — в виде самодержавия — начала формироваться почти столетие спустя избавления от Орды, а вовсе не сразу. Поэтому речь не может идти о заимствовании ордынских порядков — этого не произошло, имело место нечто более сложное и необычное, то, что Гегель называл «коварством истории». Что же это было?

Включение в ордынский орднунг резко изменило соотношение сил в традиционном русском властном треугольнике «князь — бояре — вече», причем изменило двойным воздействием. Во-первых, обретя в лице Орды и ее ратей ту «массу насилия», которой у них не было раньше, князья резко укрепили свою позицию по отношению к боярству и вече (с начала XIV в. в большинстве русских княжеств слово «вечник» стало синонимом слова «бунтовщик»). Во-вторых, поскольку в рамках ордынской системы шла конкуренция за ярлык, наилучшие шансы были у тех княжеств, где князь и боярство не противостояли друг другу, а выступали как единое целое — нечто вроде «княжебоярского комбайна»² (наиболее в этом преуспела Москва), где население поддерживало своего князя, свой «комбайн». Это не значит, что прекратились бунты, столкновения между князем и боярством — отнюдь нет. Однако у них появился внешний (для Ордынской системы в целом он был внутренним) ограничитель и, в известном смысле, регулятор. Все это изменило и положение княжеской власти, и вектор социальной и властной борьбы. Князь, обладавший великокняжеским ярлыком, автоматически становился и для своих подчиненных, и для князей других земель функциональным ханом («ханом по поручению», «миниханом», «квазиханом»).

Ордынизация Руси привела к тому, что, во-первых, центральная власть (по ханскому поручению) стала единственно значимой, реальной. Во-вторых, власть, сила, насилие стали

² Фурсов А.И. Княжеско-боярский комбайн (призрак олигархии бродит по России уже 500 лет. С одним и тем же успехом) // Политический журнал. М., 2004, № 34. С. 78–81.

главным фактором жизни — не случайно В.О. Ключевский писал об ордынско-удельной эпохе как о времени измельчания общих интересов, падения морали, ориентации только на силу — Орды или ее московского наместника. В-третьих, эта власть оказывалась — по крайней мере, по исходному импульсу, по генетической тенденции развития, по воле — единственным субъектом, стоявшим в качестве наместнической власти над русской землей — так же, как Орда стояла над ней, или стоявшим вместе с Ордой в качестве ее нижнего, улусно-служилого элемента над русским обществом. Так возник — не с необходимостью, но закономерно — мутант и, одновременно, новая форма власти, пока еще не русская — ордынско-московская власть.

Эта власть, ордынско-московская (или ордынская власть в «ордынской системе» по отношению к Руси), обрела новые качества, которых исходно не было ни в кочевых державах, ни в домонгольской Руси и которые возникли **в процессе и в результате взаимодействия** Орды, ханской власти, с одной стороны, и русских порядков, христианского общества — с другой.

Я подчеркиваю: в процессе именно взаимодействия, а не прямого переноса неких порядков. Разумеется, Русь немало заимствовала у Орды, однако надзаконную власть она заимствовать не могла — в Орде такой не было. Надзаконным, волевым были отношения Орды и Руси; причем длились эти отношения более двухсот лет — срок вполне достаточный, чтобы выработать устойчивые формы отношений и практики.

Необходимо подчеркнуть еще один факт: монгольские династии Юань в Китае и иль-ханов (хулагилов) в Иране стали непосредственными, внутренними правителями этих стран, испытывая на себе местное влияние их порядков, законов и т. д., тогда как Золотая Орда осуществляла внешнюю, дистанционного характера эксплуатацию, взимая дань, т. е. осуществляя волевое, надзаконное отношение. Не власть в Орде сама по себе была надзаконной, надзаконной была власть ор-

дынских ханов над Русью, над русскими князьями, главного из которых они — функционально — наделяли этой властью. Именно это привело к совершенно фантастической мутации власти на Руси, обусловленной, помимо прочего, тем, что Русь была христианским обществом (в ином случае никакой особой русской власти в истории мы не имели бы). Суть дела заключается в следующем³.

Монгольские и ордынские ханы (и, соответственно, их власть) как и любые верховные азиатские владыки не выступали в качестве субъектов. В обществах «азиатского» способа производства (или системно-исторического типа) субъектность не фиксируется⁴. Субъектность (исторический субъект) впервые оформляется в социумах античного типа, где выступает в коллективной форме (полис; отсюда — «казус Сократа»). И только в христианстве и с ним возникает индивидуальный исторический субъект. Христианское общество — общество индивидуальных субъектов, полисубъектное общество; в нем не может быть одного, самого-по-себе субъекта — как невозможен хлопок одной ладонью. Вот эту невозможность для христианского русского общества в значительной степени преодолела Орда с ее двухвековым господством.

Московский православный князь ордынско-удельной эпохи, безусловно, выступал как субъект. Однако поскольку на него проецировалась власть хана, порученцем и ревизором которой он был, то объективно князь оказывался единственным **властным** субъектом. А поскольку власть, по сути, была единственно значимым субъектом, то с точки зрения

³ Развернутое изложение см.: *Фурсов А.И.* Русская власть, Россия и Евразия. Великая Монгольская держава, самодержавие и коммунизм в больших циклах истории (*tris-tris grand espace dans une tris-tris longue durée*) // *Русский исторический журнал*. М., 2001. Т. IV, № 1–4. С. 15–114.

⁴ Подр. см.: *Фурсов А.И.* Капитализм в рамках антиномии «Восток — Запад»: проблемы теории // *Капитализм на Востоке во второй половине XX в. М.: Восточная литература*, 1995. С. 16–133; 530–540; особенно с. 57–104.

главной — властной — практики московский князь-порученец хана внутри русского мира оказывался чем-то вроде единственного субъекта. Так единственная по ордынской **басурманской** логике власть приобретала тенденцию к функционированию в качестве единственного **христианского** субъекта. Но, повторю, в христианском обществе это есть нонсенс, поскольку оно является полисубъектным, в нем фиксируется субъектность различных и разноуровневых (индивид, группа, институт) социальных агентов, а сам социальный процесс развивается как положительное (сотрудничество) и отрицательное (борьба) взаимодействие субъектов.

Именно межсубъектное взаимодействие делает социальных агентов субъектами. Но так — в христианском социуме. В симбиотическом, двусоставном ордынско-христианском — иначе. В нем возникал еще один парадокс: власть-субъект существует как таковая, т. е. как власть, а следовательно, и как субъект по произволению-поручению высшей, вынесенной куда-то далеко вверх, к Их Тэнгри (Великому Небу), за рамки русского социума несубъектной ханско-царской властью.

Как известно, христианин выступал субъектом (индивидуальным), поскольку вступал в индивидуальные отношения с Богом, Абсолютом. Именно последний посредством этих отношений наделял субъектностью социальных агентов христианского мира. Субъект ордынской власти по поручению наделялся властной субъектностью не Абсолютом, а вполне земной, хотя далекой и внушающей страх и ужас властью ордынского царя-чингисида.

Поскольку московско-ордынская (будущая русская) власть оказывалась единственным властным и значимым субъектом не в результате взаимодействия с другими субъектами, а по воле верховной власти, которая сама субъектом не являлась, а выступала в виде некой почти безличной силы, то реализовать свою субъектность русская власть могла лишь по отношению к самой себе. Она, эта власть — субъект-чужой орган, была исходно сконструирована как автосубъект,

т. е. субъект-сам-для-себя, субъект, реализующий свою субъектность в отношении к самому себе. Такой субъект — Властхрист — не только не нуждается в другом субъекте, но и стремится не допустить его появления/существования, это субъект — терминатор субъектов, негативный субъект, стремящийся к единственности, к моносубъектности.

Здесь необходимо подчеркнуть, что русская власть — это не моносубъект по сути, как кажется на первый взгляд и как я склонен был считать в середине 1990-х гг. По сути, как субстанция, она прежде всего автосубъект, который по своей сам-по-себе субъектности должен стремиться (и стремится) к моносубъектности, но по сути, за исключением нескольких исторических мгновений, связанных с демонархиями⁵ трех апостолов русской власти — Ивана, Петра и Иосифа, в которых персонификатором моносубъектности становится

⁵ Демонархиями я именую структуры максимальной приближенности русской власти к состоянию моносубъектности; **демонархия** — это «демократическая монархия», «демоническая власть», «де — (якобы) монархия», поскольку строй этот по содержанию много сложнее и «плотнее» монархии. В русской истории фаза демонархии, как правило, идет за смутой, является выходом из нее. Следующая фаза — **«оттепель»**: режим смягчается — прежде всего, по отношению к себе, кое-что перепадает и населению; главное содержание этой фазы — борьба господствующих групп за ослабление хватки центроверха на их горле, за превращение из «слоя в себе» в «слой для себя». Оттепели сменялись **застоями**; на этой фазе происходила олигархизация власти; социум начинал гнить, но поначалу тепло гниения превращало эти фазы в наиболее сытые и спокойные в русской истории — в том числе за счет проедания будущего; на фазы застоя, как правило, приходились периоды наибольшего военного (внешнеполитического) могущества России/СССР — правления Николая I и Брежнева. Застои сменялись **«перестройками»**, т. е. хаотическими, непродуманными реформами, которые быстрее или медленнее — ведут страну к катастрофе, т. е. к новой смуте, и цикл завершается. В наиболее чистом виде цикл «проиграл» советский коммунизм; в наименее — Московское самодержавие, в котором совпали генезис «русской системы» и ее первая структура, что и обусловило смещение и взаимоналожение фаз. — Подр. см.: *Фурсов А.И.* Русский успех в ретроспективе и перспективе // Москва. М., 2007, № 3.

человекомасса с ее энергией (и эта масса нарастает от Ивана к Иосифу), не достигает этого состояния (асимптота, только асимптота, нередко удаляющаяся от цели) и в результате превращающийся в гиперсубъектность. Т. е. власть вынуждена допустить субъектность некоторых других элементов системы во второстепенных сферах, присваивая в то же время себе статус сверхсубъекта, гиперсубъекта и, таким образом, — компромиссным образом решая проблему реализации своей природы. Гиперсубъектность, которой оборачивается тенденция к множественности персонификаторов моносубъектности («полимоносубъектность»? — «хлопок одной ладонью») — все это реакция христианского, множественно-субъектного по социогенотипу общества на собственную же форму, возникшая из взаимодействия с не (и вне) субъектным ордынским началом, «ответ Бога отца, сына и святого духа» ордынскому хану, «царю Калину». И этот ответ обрекает автосубъекта русской власти на вечное внутреннее боре, превращает его самого в поле (само) разрушительной борьбы, которая и есть его развитие. Но это тема отдельной работы по философии истории — не России, а автосубъекта русской власти.

Если автосубъектность — это субстанция, то моносубъектность есть ее атрибут, функция. Это тенденция, которую стремится реализовать автосубъект. Моносубъект в полисубъектном обществе? Аномалия. В дальнейшем развитии такого аномального сочетания **теоретически** либо автосубъектность с ее тенденцией к моносубъектности должна была исчезнуть, либо общество должно было перестать быть полисубъектным. В **реальности** ни то, ни другое не получило своего полного логического завершения. Однако первая тенденция победила со значительным перевесом и окрасила в свои тона проявление субъектности в русской истории и жизни, деформировав полисубъектность.

Полный и всеохватывающий триумф моносубъектности в христианском обществе невозможен. Точнее: возможен на

краткий миг, в редкие и исключительные моменты, как правило, в период генезиса новых структур власти, на основе террора-насилия. Так, моносубъектность «побеждала нокаутом» при диктатурах Ивана Грозного, Петра I, Сталина. Моносубъектность всегда может (по сути — должна) быть оспорена в христианском по социокультурному генотипу обществе. И, как показывает русская история XVI–XX вв., постоянно оспаривалась; полисубъектность все равно пробивала себе путь в виде превращенной, порой негативной или даже уродливой формы борьбы за моносубъектность, за лишение других субъектов субъектности или за предотвращение приобретения теми или иными социальными единицами субъектных качеств.

VI

Таким образом, в ходе 250-летнего взаимодействия Орды и Руси был выкован принципиально новый тип власти, которого до этого не существовало ни в «степных империях», ни на Руси, ни на Востоке, ни на Западе. Эта власть родилась в результате длительного взаимодействия — полусимбиоза-полупаразитизма — Орды и Руси. Важно, что одним из элементов взаимодействия было христианское общество, т. е. общество, в котором социально фиксируется субъектность и которое признает субъектом индивида. В нехристианской зоне — например, на Востоке — автосубъектная надзаконная власть не имела никаких шансов укрепиться; здесь она была бы поставлена под контроль системной социальности, системного порядка, подавлена ими и их законами. На христианском Западе против попытки ее самоосуществления тут же восстали бы другие субъекты. Экстралегальная власть теоретически имела возможность стать на ноги и укрепиться только там, где было христианство и где, благодаря необычным историческим обстоятельствам, она могла (или имела

тенденцию и волю, пусть сначала слабые) стать замкнутым на себя субъектом (автосубъектом), стремящимся к единственности (моносубъектности), там, где власть сильнее общества. Это и была русская периферия Орды. Она же — периферия Византии, сущностные роль и значение наследия которой в русской истории постоянно и неправомерно преувеличиваются. Говорить можно лишь о форме. Византийские формы власти и церковности в России, помимо прочего, были необходимы для того, чтобы придать христианскую форму странной для христианства власти.

Формирование на Руси особого типа власти — ордынско-московской — еще не означало автоматически ее полного превращения в русскую власть — автосубъектную, надзаконную и социально однородную, как это произошло в 1565–1649 гг. Прежде всего, этому препятствовала Орда, сам факт ее существования. Однако и уход Орды не гарантировал обретения властью в «православном ханстве» (Г. Федотов) 1480–1564 гг. качеств «русского кольца всевластия». Теперь, когда не стало Орды, которая создала ордынско-московскую власть, была ее гарантом и одновременно ставила жесткие рамки ее развитию, эта власть должна была либо исчезнуть, вернуться к домонгольскому состоянию, либо, во-первых, найти неордынские средства и механизмы, гарантировавшие ее бытие, и, во-вторых, навязать их. Последнее было возможно только насильственным путем в ходе социальной войны князя и боярства.

Чтобы русская власть возникла, должен был распасться княжебоярский комбайн, княжебоярское «братство кольца» Всевластия, и у последнего должен был появиться властелин — либо индивидуальный, либо коллективный. Каким бы он ни был, он должен был решить проблему: как сохранить власть-автосубъект в христианском полисубъектом обществе; ведь полисубъектность нельзя ни прогнать, ни отменить, с ней надо ужиться. И выход был найден: если нельзя превратить автосубъектную власть в моносубъектную, она

должна стать сверхсубъектной, гиперсубъектной, по крайней мере, в своей главной — властной сфере. Все остальные пусть сохраняют субъектность, но это будут субъекты и субъектность второго, третьего и т. д. сорта. Со «стеклянной ясностью» такой подход/дизайн зафиксировал Устав КПСС (куда там Ивану Грозному): *«Она (КПСС — А.Ф.) является высшей формой общественно-политической организации... советского общества»*; т. е. все остальные — низшие, субъекты низшего класса.

Но если КПСС зафиксировала надзаконность власти в документе, то Иван Грозный создал ту форму, которая — без всяких документов — реализовала эту надзаконность. Форма называлась «опричнина», она и стала эмбрионом русской власти, средством превращения ордынско-московской власти в русскую. Опричнина была самой настоящей властной и экономической войной (и одновременно — актом революции сверху), и сняв противоречие между автосубъектностью и полисубъектностью посредством надзаконности, решила не только этот вопрос, но и другой, установив индивидуально-властную («национальную») форму самодержавия и подавила олигархическую, коллективную: опричнина, помимо прочего, была и средством разрушения княжебоярского комбайна, если не окончательным решением этого вопроса. Так сказать, два шара в лузу.

Грозный царь настолько продвинул дело русской власти, что даже ответный удар боярства во время Смуты уже не смог достичь цели: самодержавие было восстановлено силами русского среднего класса тех времен — средних и мелких «детей боярских» (смута — это «сыны убивают отцов», во властном смысле, разумеется) и части купечества, зажиточного посадского люда, т. е. тех слоев, которые выигрывали в результате превращения ордынско-московской власти в русскую власть в форме самодержавия. И если несколько региональных групп купечества и посадского люда выигрывали **ситуационно**, попав в свое время в опричную зону и

получив в результате преимущества по отношению к конкурентам из земской зоны (купечество бывшей опричной зоны и проанонсировало войско Второго ополчения во главе с князем Пожарским, которое изгнало поляков из Москвы в 1612 г. и формально окончило Смуту), то средний и мелкий служилый люд выиграли в результате возникновения самодержавия **объективно**, потому-то они не только встали на его защиту, но и восстановили в 1610 г., а их дети и внуки в 1630–1640-е гг. пожали плоды их победы в виде крепостного режима.

Русское крепостничество невозможно без и вне самодержавия. Но и самодержавие не встало бы на ноги без учреждения крепостного состояния образца 1649 г., т. е. служилого крепостничества (не путать с таковым после 1762 г., особенно екатерининских времен). Крепостничество стало важным фактором и окончательной победы самодержавия к середине XVII в., и его дальнейшего развития, той последней «гирькой», благодаря которой на Весах Истории чаша «реальность» перевесила чашу «возможность». Но прежде чем рассмотреть достаточные причины и факторы, придавшие русской власти в XVI–XVII вв. необратимый характер и обусловившие многие важные черты и параметры ее развития, постараемся ответить на один важный вопрос.

VII

Так что же: если бы не Орда, то феномен русской власти (в форме самодержавия) никогда не возник бы? Значит, это не закономерное, а случайное явление, плод игры, случая? Значит, решающую роль сыграл внешний фактор, и вся русская история последних столетий сложилась и развивалась под воздействием внешнего случая, является «припадочной» (припадком в XVIII в. называли случайность)? Нет, не значит.

Зададимся вопросом: случайностью ли были появление в XVI в. испанцев в Центральной и Южной Америке, разрушение отрядами Кортеса и Писарро держав и цивилизаций астеков и инков? Для астеков и инков — случайностью. Для испанцев — конечно, нет. С точки зрения возникающего с конца XV в. нового международного разделения труда в Европе, т. е. с точки зрения более крупного целого, элементом которого становились прибрежные регионы Центральной и Южной Америки, появление испанцев там было закономерным. То, что является случайным на одном уровне, в рамках ограниченного пространства, оказывается закономерным или даже необходимым явлением на другом уровне, в рамках более широкого геополитического пространства, в другом масштабе.

С точки зрения русских княжеств, относительно ограниченного пространства киевской и посткиевской истории, монгольское нашествие (хотя из 90–120 тыс. воинов, пришедших в 1237 г. с Бату и Субудаем, только четверть были собственно монголами; остальные — «интербригады» хартленда, главным образом — тюрки, хотя, конечно, не только они) было случайностью. С точки зрения евразийской истории, в которую монголы жестко включили Русь, это нашествие было закономерным явлением, подчинявшимся логике вековых (на протяжении 7–8 веков) евразийских циклов и трендов количественного (территориального) роста «степных империй»⁶: рано или поздно степная евразийская держава, по логике экспансии, должна была «зацепить» и охватить и русскую равнину. Другое дело — конкретные исторические

⁶ Подр. см.: *Фурсов А.И.* Срединность Срединной Азии. Долгосрочный взгляд на место Центральной Азии в макрорегиональной системе Старого Света // *Русский исторический журнал*. М., 1998. Т. I, № 4. С. 165–185; *Fursov A.* Eurasia Viewed from an Historical Height // *World Affairs*. New Delhi, 2004. Vol. 8, № 1. P. 150–168; *его же*: Central Eurasia: Historical Centrality, Geostrategic Condition and Power Model Legacy // *Towards Social Stability and Democratic Governance in Central Eurasia. Challenges to Regional Security*. Amsterdam: IOS Press. NATO Science Series, 2005. P. 23–39.

последствия и их формы; это зависит от исторических обстоятельств, условий взаимодействия и характера эпохи. Таким образом, именно с евразийской, а не «киевско-русской» точки зрения возникновение феномена русской власти в форме самодержавия и превращение Москвы во Второй Сарай, Второй Каракорум, Второй Константинополь и Третий Рим было закономерным явлением. Русская власть есть русский православный ответ на евразийский степной вызов, его укращение, интериоризация посредством создания принципиально новой, революционной по сути формы власти.

Теперь о роли внешнего фактора. Привыкнув за последние полтора столетия мыслить категориями «национального государства» («нации-государства», nation-state), мы переносим, проецируем его «реалии и универсалии» на прошлое — то прошлое, когда nation-state не существовало и когда «внутреннее» и «внешнее» определялось не политико-административными границами, а иными, макрорегиональными. Докапиталистический мир — это мир не наций-государств, а макрорегионов, базовыми единицами которых были локальные общности — деревни, местные рынки и т. д. Такими макрорегионами были Средиземноморье, аль-Хинд (северная часть Индийского океана), Восточная Азия (Восточная Пацифика) и др.

Доордынская Русь была интегральным элементом более широкой экономической целостности, макрорегиональной системы производства и обмена, осью которого исходно был путь «из варяг в греки». Орда расширила эту систему, политически оформив экономическую включенность в нее русских земель. Эта система охватывала значительную часть евразийского Хартленда. Таким образом, и здесь мы имеем обще-евразийскую логику развития, противопоставлять которой и обособлять от которой домонгольско-русское развитие было бы ошибкой, перенесением на XIII в. реалий XIX–XX вв.

В середине XV в. полукочевая Золотая Орда стала анахронизмом для предсовременной Европы, историческое время

работало против нее. В 1480 г., выстояв на Угре, Русь освободилась от распадающегося Ордынского ханства, чтобы тут же оказаться под властью своего, «православного ханства» — Москвы. Впрочем, несмотря на освобождение, генетическая память и генетический страх перед Ордой были живы еще сотню лет.

Итак, возникновение феномена русской власти — надзаконной, стремящейся к социальной однородности и господству над собственностью — было закономерным явлением в контексте истории евразийского хартленда, евразийского целого. Как генезис капитализма, «заземлившийся» в Англии XVI — XVII вв., т. е. на западно-европейском (северо-атлантическом) пяточке Прибрежного Пояса Евразии, стал результатом сложных процессов XIII — XVI вв. в Прибрежном Поясе в целом, ответом на них, так и генезис русской власти на русском «пяточке» евразийского хартленда, стал результатом сложных процессов в этой зоне в XIII — XVI вв., ответом на них.

Однако далеко не все закономерности реализуются; помимо необходимых условий должны существовать достаточные. Повторю: надзаконная русская власть в виде самодержавия возникла не в ордынскую эпоху и не сразу после выхода «из-под ига» в 1480 г., а в 1560–1640 гг. в результате тяжелой и острой социальной борьбы, для победы в которой на самодержавие должны были сработать не только необходимые, но и достаточные причины. Роль последних «исполнила» природно-производственная основа русской истории — низкий уровень избыточного продукта, который стал дополнительным (достаточным) фактором триумфа феномена русской власти.

VIII

Для русского хозяйства характерен низкий уровень избыточного продукта. Это обусловлено спецификой пространственно-ресурсных и производственных характеристик Рос-

сии, а также ее геоисторической ситуацией — огромная часть средств уходила на оборону. В связи с этим, русские никогда не могли позволить себе иметь значительный по численности и богатый господствующий класс *a la* Запад и уже тем более значительную по численности властно-собственническую верхушку этого класса — «олигархию».

Коллективная, олигархическая власть наверху при низком уровне избыточного продукта представляла прямую и явную угрозу благосостоянию массы средних и низших слоев господствующих групп; и они это прекрасно понимали, отдавая предпочтение индивидуальной (единодержавной) власти перед коллективной, олигархической. В столкновениях или просто противостояниях центральной власти с олигархией, будь то правление Ивана IV или история с «затейкой» — попыткой верховников ограничить самодержавную власть при приглашении Анны Иоанновны на царство, середина и низы господствующих групп безоговорочно принимали сторону центроверха, и это был вовсе не иррациональный, а вполне рациональный выбор, обусловленный политэкономией русской властно-хозяйственной системы.

Западные наблюдатели и те в России, кто смотрел и смотрит на Россию западным глазом, видели в провластной позиции середины и части низов господствующих групп проявление русского законопослушания и рабства, неготовность или даже неспособность к принятию свободы. Последнюю западные (и прозападные) наблюдатели и историки, как правило, связывали с олигархами (см., например, интерпретацию «затейки» П.Б. Струве). Выходило, что русские — в большинстве своем рабы, не мыслящие существования без и вне сильной власти, которая их же, дураков, и давит.

Вот такая схема, которой нередко придерживаются не какие-нибудь записные русофобы, а вполне нормальные люди, у которых и недостатков-то всего два: незнание русской истории и благодушная сытость. Соответствует ли схема реальности? Нет, не соответствует.

История всех схваток олигархов с центроверхом показывает, что боролись они не за свободу вообще и даже не за свободу для верхушки как слоя в целом в противовес власти. Речь шла о «свободе» для нескольких кланов (именно поэтому бульшая часть верхушки, как правило, не поддерживала никакие «затейки») — свободе коллективно господствовать вместо царя, выступать в качестве что-то вроде коллективного самодержца, не ограничиваемого никем и, в то же время, не несущего ответственности (в отличие от монарха-самодержца). Резкое усиление привилегий и богатства части верхушки столь же резко сокращало привилегии и благосостояние середины социума — игра с нулевой суммой. Регулятором именно этой игры выступала самодержавная власть. Это одна сторона дела.

Другая заключается в том, что в силу геоисторического положения Россия нуждалась в многочисленной армии (так, для покорения Казанского ханства понадобилось 150-тысячное войско; дальше расходы на военную сферу только росли), а армия эта в XVI–XVII вв. состояла, прежде всего, из представителей средней и нижней частей господствующих групп. Т. е. центральная власть была заинтересована в их хотя бы минимальном благосостоянии как с внешней, военно-политической точки зрения, так и с внутренней — укрепление позиций центроверха по отношению к боярским кланам (отсюда — раздача земель и крепостных служилой середине и мелкоте, логически — развитие служебного крепостничества, которое будет сломано Петром III и Екатериной II, что переформатирует не только крепостничество, но и самодержавие, а во многом и русскую историю), а наиболее массовые слои господствующих групп — в таких качествах этой власти, которые усиливали ее автосубъектность и надзаконность, позволили им победить в 1560–1640 гг. и заложили фундамент аж на несколько столетий.

IX

С учетом сказанного выше, необходимо отметить, что одной из главных задач автосубъектной и надзаконной власти в России является ограничение, сдерживание социально-экономических appetitов всех социальных групп и, прежде всего, верхушки. В данных природно-исторических условиях это было единственно возможной, пусть не всегда законной и эффективной, защитой интересов средних и нижних слоев общества, — а, отчасти, и населения в целом — от верхов. Центроверх делал это не потому, что любил население — он его не любил, и оно платило ему тем же. Однако ограничивая верхи и их appetиты, центроверх решал тройную задачу: сохранял хрупкий — из-за низкого уровня избыточного продукта — социальный баланс (помимо прочего, обеспечение господства долгосрочных интересов самих же господствующих групп как функциональных органов центроверха над среднесрочными, а среднесрочных — над краткосрочными); препятствовал олигархизации власти; сохранял имманентные качества русской власти — только союз с серединой и низами господствующих групп и минимальная защита населения (И.Л. Солоневич не вполне удачно назвал это «народной монархией») гарантировали самосохранение, самовоспроизводство и саморазвитие русской власти со всеми ее характеристиками. Нарушение союза/контракта подрывало эту власть, торжествовал курс на сверхпотребление, сверхэксплуатацию, социальную безответственность, когда в центре оказываются не просто краткосрочные, а сиюминутные цели («после нас — хоть потоп»).

В результате, социальной перспективы лишалась сначала часть общества, а затем и общество (система) в целом. И это прекрасно понималось или, по крайней мере, чувствовалось обществом. Именно этим социально-историческим прагматизмом, а не якобы рабским характером русского народа или его нелюбовью к свободе, обусловлена поддержка широки-

ми слоями населения, прежде всего его активной серединой, именно центральной власти, самодержавия против попыток олигархизации последнего как боярской, так и дворянской верхушками.

Русская власть (будь то самодержавие или коммунизм) всегда была, по определению, прежде всего механизмом учета и контроля, системного самоограничения социума, существующего в суровых природно-климатических и непростых геоисторических условиях. В таких условиях олигархизация власти с неизбежностью вела к превращению определенной части господствующих групп в нечто похожее на классы западного, будь то капиталистического или позднефеодального, типа. Последнее означало в России — либо довольно быструю социальную катастрофу, либо восстание или гражданскую войну.

Возникновение и развитие в России, на основе ее «системы работ» западоподобных классов возможно лишь на основе отчуждения не только прибавочного продукта, но и значительной части необходимого; а следовательно, любая западнизация, любое западоподобие России означает деградацию, регресс «русской системы», ее разложение и волю к смерти. Западоподобные реформы (и формы — рынок, политика гражданское общество) — это всегда показатель упадка власти в России, существующей общественной структуры⁷. То, что в североатлантическом ядре капсистемы есть прогресс, у нас — регресс, потому-то русский европеец и может (должен) быть антизападником (не путать Европу, европейскую цивилизацию, к которой принадлежит Россия, с конкретной и хищной формой под названием «Запад», которая, впрочем, на наших глазах приходит в упадок, дехристианизируется, утрачивает белый цвет и превращается в постзападное месиво).

⁷ См. Фурсов А.И. Синусоида русской истории. Беседа с А.А. Прохановым // Завтра. М., 2006, № 28.

До середины XIX в. для олигархизации русской власти в ее самодержавном варианте, помимо ограничения сверху и снизу, было еще одно серьезное препятствие — отсутствие реального механизма эксплуатации, который обеспечил бы для нее экономическую базу. Реформы 1860-х гг. впервые обеспечили такой механизм — капитал, прежде всего денежный, финансовый и мировой рынок. А поскольку развитие капиталистических форм в России шло главным образом сверху, это не могло не «экономизировать», а следовательно — олигархизировать саму власть. Устояв против боярско-дворянских олигархий, власть начала олигархизироваться-гнить изнутри (правда, к этому моменту, когда уже приходило в упадок дворянство, кроме самого самодержавия, олигархизироваться всерьез уже было почти некому), и это стало одной из самых главных причин его гибели. Н.Е. Врангель (отец «черного барона»), один из умнейших людей пореформенной России, прямо писал о том, что в конце XIX в. самодержавие *«мало-помалу превращалось в олигархию, увы! не достойных, а только более бесстыдных»* (что бы он сказал сейчас?).

Процесс этот — впервые в русской истории — привел к тому, что олигархизирующаяся власть, по сути, вступила в союз с верхушкой и значительной частью середины общества против «остального» населения, и экономический разрыв между двумя этими «зонами» стал стремительно расти. Внешне, а отчасти и, по сути, впервые в русской истории это воспроизвело западоподобную классовую ситуацию. Развитие капиталистических форм в России и олигархизация власти — две стороны одного процесса. Но нас в данном случае интересует олигархизация, формирование капформ и адекватных им социальных групп. Их отношения с властью — особая тема, о которой нужно говорить отдельно. Здесь же отмечу, что олигархизация противопоказана, губительна русской власти, убивает ее как власть, что и произошло в 1917 г.

Второй раз в русской истории центроверх нарушил «правило русской власти № 1» — учет и контроль над вер-

хами — в 1980-е и особенно в 1990-е гг., когда номенклатура превратилась в класс собственников, когда произошла почти полная олигархизация власти, и последняя начала не просто эксплуатировать, а грабить население, отправляя на тот свет каждый год по миллиону человек. И опять олигархизация власти совпала с сырьевой и финансово-зависимой моделью включения в мировую систему («модель Александра II») и появлением западоподобных классов в фарсово-карикатурной форме⁸. Впрочем, это отдельный вопрос, мы же еще раз констатируем: русскую власть замесили в Орде, а испекли в русской природно-исторической «печке» с ее незначительным избыточным продуктом, огромная часть которого идет на оборону.

Х

Как соотносятся советский коммунизм и русское самодержавие — эти две формы русской власти и, как мы увидим, две фазы развития — евразийская и мировая? О советском коммунизме много писали как об отклонении от некоего нормального развития (под нормой понимался буржуазно-либеральный вариант, к которому якобы шла Россия в конце XIX — начале XX вв.), как о некой случайности. Постсоветизм — по этой логике — оказывается возвращением к норме (отмечу сразу: постсоветизм есть действительно возвращение к русским реалиям конца XIX — начала XX вв. — в новых условиях и на новом витке истории; что же касается существования некой внеположенной русскому пути нормы, то это сомнительно).

⁸ Фурсов А.И. Крах центроверха. Как номенклатура стала буржуазией // Политический журнал. — М., 2005, № 17. С. 64–67. О мировом аспекте этого процесса см.: Фурсов А.И. Saeculum vicesimum: In memoriam (Памяти XX века) // Русский исторический журнал. М., 2000. Т. III, № 1–4. С. 17–154. (гл. VIII. Сумерки века, 1975–1991).

А.А. Зиновьев как-то заметил, что эволюция крупных сложных систем необратима, т. е. в эволюции самой системы случайностям, меняющим вектор развития, нет места. Мы не ограничимся этим общим выводом, а бросим эмпирический взгляд на долгосрочную логику русской истории, истории русской власти с XVI в., а потом будем судить о закономерности или случайности/отклонении советского коммунизма от логики русской истории.

В истории дореволюционной России было три исторических структуры власти: Московское самодержавие (1560–1690 гг.), Петербургское самодержавие (1700–1850 гг.) и так называемая пореформенная Россия (1860-е — 1905/1917 гг.). Хотя пореформенная Россия представляет собой процесс и результат разложения Петербургского самодержавия, и с этой точки зрения ее не должно ставить в один ряд с «двумя самодержавиями», она, в то же время, обладает неким собственным содержательным потенциалом, связанным, прежде всего, с развитием России в качестве элемента мировой капиталистической системы.

Точнее будет сказать так: постепенное усиление с XVIII в. включенности России в мировую систему привело к внешне бурному и внутренне уродливому развитию капитализма в России во второй половине XIX — начале XX вв. Этот процесс часто называют «капиталистической модернизацией», которая вела к определенным социальным, политическим и культурным сдвигам (например, уже в 1870-е гг., как заметил М. Покровский, «Петербург Чернышевского» превратился в «Петербург кафешантанов и танцклассов», оффенбаховщины).

Обусловленная включением в мировую капиталистическую систему краткая фаза «капиталистического подъема» России совпала с пореформенным разложением самодержавия, и это создало некую остро противоречивую структуру, которая несводима ни к разложению самодержавия, ни к подъему капитализма (даже с оговоркой: русского образца). Именно эта большая сложность, которая в сфере культуры получила наиболее

адекватное выражение в Серебряном веке, соединившим в себе (воспользуемся тыняновскими метафорами из «Вазир-Мухтара») винное, уксусное и гнилостное брожение, тонкие запахи с вонью разложения, и позволяет говорить о пореформенной России как особой структуре власти в русской истории или, по крайней мере, об особой фазе.

Каждой структуре власти соответствовала своя господствующая группа — функциональный орган создавшей ее русской власти. Соответственно, это были боярство, дворянство и чиновничество. Если сравнивать эти привластные группы по их численности, то каждая последующая группа превосходит предыдущую: дворяне — бояр, чиновники — дворян. Иными словами, власть в виде своих функциональных органов росла, охватывала все большую и большую часть населения, как бы прорастала в него.

Если же сравнивать господствующие группы по линии собственности, то здесь картина иная: каждая последующая группа (речь идет о среднем представителе) обладала меньшей собственностью: у дворян ее было меньше, чем у бояр; у чиновников, которые, по сути, являлись салиариатом, ее было меньше, чем у дворян. Разумеется, в жизни встречалось немало конкретных случаев-отклонений от указанной регулярности, однако на уровне массовых процессов и крупных структур картина была именно такова. И на этой картине даже дворянство, которое ближе других господствующих групп в истории России подошло к состоянию классовости, выглядит, с точки зрения собственности, далеко не блестяще.

Чтобы вести социально приемлемый дворянский образ жизни, в период между 1779 и 1861 гг. нужно было иметь не менее 100 душ или денежный эквивалент. Только 20% дворян имели 100 и более душ, остальные 80% — это, следовательно, «дубровские» и еще беднее. К тому же, из верхних 20% по-дворянски значительная часть жила в долг, закладывая и перезакладывая крепостных, т. е. была «господствующим слоем», так сказать, виртуально. Неудивительно, что к 1859 г.

66% помещичьих крестьян были заложены их владельцами государству. Это и позволило Александру II сделать то, о чем мечтал его отец, один из лучших (несмотря на все ошибки) русских царей, — освободить крепостных.

Тенденция к истончению привластной собственности и, как следствие, упадка слоев, ее персонифицирующих, — не единственная регулярность русской динамики. Есть еще две, которые надо хотя бы упомянуть.

Одна — «демократизация» (Г.П. Федотов) господствующих групп. Как только та или иная господствующая группа опасно близко (для власти и системы в целом) подходила к превращению в политико-экономический класс, власть опрокидывала эту группу с помощью подпиравших ее снизу групп (дворянство — боярство, пореформенное чиновничество — боярство). Таким образом, решая свои проблемы, власть зачерпывала социальный материал все ниже и ниже. К концу XIX в. «зона» господствующих и «полугосподствующих» групп была исчерпана, и поэтому следующая системная «демократизация» произошла не «сверху», как это было от Ивана Грозного до Николая I, а снизу — в результате революции.

Другая черта динамики — цикл «подморожение — таяние». История всех структур русской власти начинается с закрепощения (на службу) властью всего общества. Затем власть постепенно отпускает слой за слоем сверху вниз; конечным пунктом этого процесса становится смута. Так, закрепостив в 1649 г. все слои населения (а не только крестьян) на службу, власть в 1762 г. отпустила дворян, позволив им не служить, а затем крестьян в 1861 г., и Россия вползла в новую смуту (вехи: убийство Александра II, подъем революционного движения, революции 1905 и 1917 гг., Гражданская война, НЭП).

В 1929–1933 гг. закрепощением опять же всех слоев — от крестьян до номенклатуры и интеллигенции, которую «приписали» к различным «творческим» союзам, — демонархи-

ческая власть вывела страну из смуты. В 1953–1956 гг. номенклатура «отпустила» саму себя, а в 1987–1988 гг. — саму себя (уже экономически) и население в целом. И началась новая смута, однако на этом цикл, по-видимому, ломается. К сожалению, здесь нет возможности анализировать эту проблему.

Если учесть долгосрочную тенденцию к истончению «слоя» собственности, принадлежащей привластным группам, то под этим углом зрения Октябрьская революция и возникновение большевистского режима представляют собой, как верно заметил В.В. Крылов, финальный и революционный акт очищения власти («государства») от оставшихся привесков собственности. В связи с этим ясно, что исторический коммунизм и советская эпоха русской истории ни в коем случае не являются ни случайностью, ни отклонением. Это закономерная фаза русской истории, реализующая тенденцию освобождения власти от собственности, превращения в чистую, бессобственническую власть, а общество — в бессобственническое общество.

Один из парадоксов русской истории 1649–1917 гг. заключался в следующем: в то время как на поверхности, внешне, фасадно власть, общество и страна выглядели все более и более по-западному, в содержании развития становился все более выраженным иной тип и вектор (хотя и под тенденциозным углом зрения, в свое время это уловил де Кюстин), требуя для себя в перспективе новую, уже не самодержавную, но и не буржуазную форму.

Этот парадокс (тенденция, противоречие) наиболее полно проявился в изменении соотношения власти и собственности, в уменьшении собственнического потенциала господствующих групп, в логике десобственнизации власти в самодержавной России. Процесс этот на самом деле неувидителен. Если служба — главный фактор, определяющий бытие и быт господствующих групп, то неизбежен постоянный рост численности служилого люда, что и имеет место быть на Руси со времен Ивана Калиты до времен Владимира Пу-

тина (любая попытка ограничить или повернуть вспять этот рост до сих пор приводила к диаметрально противоположным, контрпродуктивным результатам).

Поскольку ресурсы в России всегда были ограничены, а следовательно, возможности значительного увеличения отчуждаемого «прибавочного продукта» — невелики, то ценой количественного роста господствующих групп было сохранение в руках их представителей все меньше и меньше собственности. Любое резкое увеличение собственности в руках некоего меньшинства в рамках господствующих групп, его обогащение, вело (как это и произошло в 1861–1917 гг. и как это во многом происходит сейчас в РФ) к резкому уменьшению собственности в руках подавляющего большинства представителей господствующих групп (не говоря уже о населении в целом), их обеднению и, как следствие, становилось стимулом для разгула мздоимства для одной, большей части (семью кормить надо) и для перехода в оппозицию существующему строю, а то и в революционный лагерь, в лагерь *«потрясателей»*, как сказал бы Н. Лесков, меньшей — более идеалистической, социально озлобленной или просто неудачливой части.

Будучи **историческим** разрывом, Октябрьская революция (а точнее, русская революция 1905–1933 гг.) представляет собой совершенно закономерную и преемственную, с точки зрения **логики** русской истории, фазу развития, развертывания типа власти и субъекта, выкованных взаимодействием Орды и Руси. Интересно, что новая, коммунистическая, форма данных типа власти и субъекта была обретена посредством механизма «логическая преемственность через исторический разрыв», что лишний раз свидетельствует о социогенетически революционном характере этой власти. Но главное в другом. Главное в том, что сделано это было посредством антикапиталистической революции и создания системного антикапитализма в мировом масштабе, т. е. как **мировой формы русской власти**. Только так — посредством

перехода на мировой уровень и в форме антикапитализма — русская власть могла сохранить себя, сохранить и обрести завершённую форму.

XI

На первый взгляд, победа большевиков и установление коммунистического строя в России очень сильно удалили Россию от Европы. Не случайно критики большевиков называли их «новыми монголами», «новой Ордой». Однако если вспомнить, что большевистская революция была не только антисамодержавной, что она не только положила конец русской смуте, распаду русской власти (и страны на части), но и антикапиталистической, реализацией Большого Левого Проекта европейского Модерна, лозунгов Великой французской революции, то напрашивается диаметрально противоположный вывод: Октябрьская революция превратила Россию в Сверхъевропу — в левую Сверхъевропу, более того, в мировую социалистическую систему, в современное массовое индустриальное антикапиталистическое общество.

А может, верны оба вывода: антикапитализм посредством «неоорды» и «неоорда» посредством капитализма? Но прежде чем отвечать на этот вопрос, поставим другой: резонно ли связывать СССР, советский (исторический) коммунизм с самодержавием, ордынско-московской властью или Золотой Ордой? Можно ли фиксировать в одном причинно-следственном ряду феномены XV — XVI вв. и XX в.?

На эти вопросы у меня два контрвопроса: один от здравого смысла, другой — научный. Вопрос первый: резонно ли связывать 50-летнего человека с ним же самым 10–15-летним? По-моему, вполне. Второй вопрос: резонно ли связывать сегодняшний глобальный «информационный капитализм» или хотя бы индустриальный капитализм XIX в. с доиндустриальным капитализмом XVI — XVII вв.? Конечно, капита-

лизм изменился, но его суть, цели, принципы конструкции не изменились — мы имеем дело лишь с иной, новой структурой господства капитала. Так же обстоит дело с русской властью.

В конце XIX — начале XX вв. русская власть оказалась в принципиально новых исторических (включение Евразии в мировую экономику с ее североатлантическим англосаксонским ядром), социосистемных (развитие капитализма) и экономических (развитие промышленности, индустриальной базы) условиях. Включение в мировую капсистему сделало Россию ее элементом и стимулировало развитие частной собственности. И это в то время, когда собственнический слой, собственнический нарост слабеющей русской власти и ее функциональных органов становился все тоньше — налицо была тенденция к исчезновению этого собственнического нароста. Речь идет не о частной собственности, а о собственности вообще, включая частную, которую указанная тенденция должна была смести. Альтернатива — гибель русской власти. (Забегая вперед отмечу, что история пошла как бы по «среднему пути»: конкретная историческая **структура** русской власти — самодержавная — рухнула, однако новая, более совершенная структура — советский коммунизм — **системную** проблему решила. Какой **человеческой** ценой — другой вопрос. Необходимо, однако, заметить, что все новые системы в истории возникают крайне дорогой ценой, как чудовища, пожирающие массы людей, будь то капитализм, самодержавие или коммунизм).

Таким образом, в начале XX в. русский общественный организм, чтобы выжить, должен был решить двойную и внутренне противоречивую, дилемматическую задачу: во-первых, довести многовековую линию очищения власти от собственности до логического конца (альтернатива — олигархизация власти, капитализация общества, пауперизация, иностранный контроль и де-факто, а то и де-юре — гибель страны. Многие из этого мы увидели в самом конце XX в.,

в 1990-е гг.); во-вторых, сохранить, продолжить развитие России в мировой капиталистической системе, которая построена на частной собственности и накоплении капитала и выйти из которой, по сути, уже невозможно.

Единственным решением могли быть (и стали) антикапиталистическая (социалистическая) революция как отрицание капитала, частной собственности (и самодержавия) и советский коммунистический режим как антикапиталистический сегмент мировой системы, как антикапитал в рамках мировой капиталистической собственности. Это решение — создание революционно-антикапиталистического строя, что и было осуществлено в два хода двумя людьми — Лениным и Сталиным (самодержавно-крепостнический строй тоже был создан в два хода двумя людьми — Иваном Грозным и Борисом Годуновым).

Естественно, люди, совершавшие революцию, не думали об указанной выше дилемме, не думали они и в системных терминах. Одни из них думали о власти, причем в мировом масштабе; другие — о деньгах и удовольствиях; третьи — о реализации высоких идеалов и принципов, четвертые — о куске хлеба, а многие вообще ни о чем не думали, их несло Ветром Истории. Тем не менее, у социальных систем своя железная логика, своя рациональность, и она пробивает себе путь посредством интенций, воли и желаний людей, решающих, как им кажется, только свои проблемы. Как говорил Маркс, *«Крот Истории роет медленно»*.

Большевистская революция стала историческим средством создания новой, полностью очищенной от собственности, русской власти и решения проблемы: как обеспечить существование бессобственнической власти в мировой системе, основанной на частной собственности? Но это — русская сторона дела. Была и мировая, капиталистическая, и она не менее, а быть может, как знать, и более важна: большевистская революция была тем способом — по-видимому, вообще единственным, — с помощью которого мировой ан-

тикапитализм, Большой Левый Проект мог реализовать себя в качестве социума — внутри и одновременно вне капсистемы, *in and out at the same time*.

Русская (евразийская) власть нашла в западном (североатлантическом, мировом) капитализме — точнее, в его негативной, «отрицательно-институциональной» (антисистемной, социалистической) форме — средство самоочищения от собственности, включая капитал; это, в то же время, предполагало смену персонификатора русской власти, очищения ее от прогнившего, зараженного буржуазной (или парабуржуазной) собственностью, «капитализированного», олигархического самодержавия.

В свою очередь, **мировой** антикапитализм нашел в русской власти, в ее чистой форме, средство самореализации и возник как **евразийский** (Россия, Восточная Европа, Китай) феномен с глобальными устремлениями. Эти энергетические устремления, однако, так и не реализовались в полной мере, а вещество антикапитализма осталось ограничено Евразией, за небольшими исключениями, подтверждающими «евразийское» правило. Триумфом ненавидевшего Россию Маркса и марксизма стали, по иронии истории, русская революция и ленинизм. Степной калмыцкий прищур скуластого Ильича — евразийца со смешанной (немецко-еврейско-русско-калмыцкой — воистину евразиец!) кровью стал историческим ответом Евразии мировому капиталу. За потомком поволжских степняков пришел потомок кавказцев — чуждо.

ХII

С историческим коммунизмом связан некий парадокс, который до сих пор не только не объяснили как следует, но даже не замечают. Это капиталистический парадокс русской истории. Несколько лет назад, в «Колоколах Истории», я уде-

лил ему немало места⁹, поэтому здесь о нем — в самом сжатом виде. Коммунизм как совокупность идей существует почти два с половиной тысячелетия — по крайней мере, со времен киников. Однако в качестве особой социально-экономической системы коммунизм реализовался только в капиталистическую эпоху, как отрицание капитализма — отрицание, ставшее основой и средством отрицания, свержения самодержавия, т. е. решения русского вопроса («что делать?»). «Исторический коммунизм» — это антикапитализм и только антикапитализм. В истории не было таких социальных систем, как «антирабовладение» или «антифеодализм», а антикапитализм был. В равной степени, в истории не было иного субъекта, кроме русской власти, причем тоже в негативной форме антивласти — партии профессиональных революционеров, чиновников антисамодержавия и бюрократов антикапитализма одновременно, способного реализовать антикапитал как высшую (в смысле — законченную и чистую) форму русской власти.

Русская антикапиталистическая революция, планировавшаяся ее организаторами как начало мирового погрома капитализма, буйствовала и бесновалась и под знаменами идеологии марксизма, и под лозунгами Великой Французской революции, реализовывала ее политическую программу. Эта программа была элементом геокультуры Просвещения, представляя собой революционную, «французскую» версию прогрессизма; другой, эволюционной версией был англосаксонский либерализм (не путать с «неолиберализмом» англо-американских «неоконов» наших дней, представляющим по сути правый радикализм, цель которого — глобальный погром в интересах капитала, государств ядра капсистемы и ТНК). Французская революционность иссякла в 1871 г. с Парижской коммуной. Революционный (континентальный!) проект пошел на восток и был подхвачен Россией, которая и реализовала его в виде системного коммунизма, интернаци-

⁹ Фурсов А.И. Колокола Истории. М., 1996. С. 21–96.

онал-социализма; ответом на него родины крещеного еврея герра доктора Маркса стал национал-социализм антисемита Гитлера.

Исторический коммунизм — советская система — был решением одновременно противоречий и самодержавного строя, выходом из его тупика или, если угодно, разрубанием гордиева узла русской истории, и капиталистической системы — правда, не на уровне непосредственно материального производства, а в сфере власти и идей.

Только русская власть с ее автосубъектным, неограниченным, надзаконным характером, с ее гиперволютаризмом и свободой от населения (общества), превратившаяся в исторический (советский) коммунизм, могла реализовать на практике левый европейский проект и попытаться создать на евразийской основе мировой антикапитализм. Постоянно демонстрируя триумф субъекта, каковым является автосубъектная власть, над системой, которая в виду этого лишь условно, теоретически может быть названа системой, на практике же часто мы имеем дело лишь с объединением, порой деградирующим до множества, русская власть очень часто выступала в качестве сверхсубъекта, суперъевропейского субъекта, не ограниченного практически ничем.

В Европе субъект, будь то монарх, nation-state или капитал был ограничен другими социально или институционально оформленными субъектами; в России же, если и появлялась иная, чем властная, субъектность, то часто она либо не фиксировалась институционально, либо прямо стремилась к антиинституциональной авто/моносубъектности. Субъект-русская власть имела полную свободу быть сверхреволюционной независимо от конкретной властной формы (Петр I, большевики) или политического направления (левые радикалы — большевики 1917 г., правые радикалы 1990-х гг.). Историческая природа позволяла русской власти быть суперъевропейцем как в революции, так и в реакции; впрочем, точнее будет сказать, что автосубъектный и надзаконный

характер позволял русской власти метафизически существовать вообще по ту сторону революции и реакции, добра и зла — автосубъект находится вне морали и вне политики. Это — «плата» за единственность в качестве и европейца (вспомним Пушкина с его *«правительство у нас единственный европеец»*), и субъекта.

В любом случае, внешняя европеизация и модернизация России имела тенденцию усиливать, а не ослаблять ее автосубъектную суть; ослаблялась лишь конкретная структура власти, которая вступала в острое противоречие с общей логикой развития, которую начинали воплощать антисистемные силы — революционеры, перехватывавшие не только власть, но и утрачиваемый ею революционный потенциал. А потому, данная конкретная структура должна была уйти — и ушла, выковав себе могильщика в виде большевиков — ленинской «партии нового типа». Впрочем, то был промежуточный могильщик, чисто разрушительный, а потому обреченный породить своего могильщика, которым и стала «сталинская партия», одержавшая свою победу в 1929–1939 гг. и заложившая основы советского коммунизма как системы — и как новой структуры русской власти.

Сняв/решив противоречия самодержавия, советский коммунизм создал свои противоречия, о которых здесь нет места говорить (коммунистический порядок — совершенно отдельная тема¹⁰) и развертывание которых привело к олигар-

¹⁰ Фурсов А.И. Кратократия, или социальная природа обществ советского типа // Социум. — М., 1991, № № 8–12; 1993, № № 1–8; его же: Взлет и падение перестройки // Социум. М., 1992, № № 9–12; 1993, № № 1–4; 1994, № № 1–2; его же: Излом коммунизма. Размышления над книгой А.А. Зиновьева «Гибель русского коммунизма». Вопросы, сомнения, альтернативные интерпретации // Русский исторический журнал. М., 1999. Т. II, № 2. С. 274–402; его же: Завтра грабим короля. Власть и олигархи в СССР и постсоветской России // Политический журнал. М., 2004, № 38. С. 78–81; его же: Последняя смута (Владимир Путин оказался заложником вековых системных конфликтов российского государства) // Политический журнал. М., 2004, № 1. С. 2–5.

хизации власти уже во второй половине 1950-х — 1960-е гг.¹¹, а в конце 1970-х — начале 1980-х гг. — к глубокому структурному кризису, который благодаря горбачевщине быстро превратился в системный и привел к крушению коммунизма, распаду соцлагеря, СССР, угрожая распадом РФ.

ХIII

Есть ли будущее у русской власти как власти особого типа? Во-первых, ответ на этот вопрос труден по нескольким причинам: трудно прогнозировать развитие некоего феномена, когда он находится в стадии разложения — мы живем в процессе разложения позднекоммунистического порядка; трудно прогнозировать развитие, когда объект прогноза находится в точке бифуркации; наконец, трудно прогнозировать развитие некоего объекта, если он является элементом более крупной — глобальной — целостности, развивается по ее законам, а сама эта целостность вступает в полосу многомерного кризиса. Налицо волновой резонанс, наложение двух кризисов — русского, развивающегося в 1970-х гг., и мирового, берущего начало в те же семидесятые¹²; и этот резонанс в принципе затрудняет прогнозирование.

¹¹ Фурсов А.И. Номенклатурные сатурналии: XX съезд — социальная мифология и реальность (маски-шоу XX съезда) // Литературная газета. М., 2006, № 7; *его же*: Леонид Брежнев и его эпоха // Московские новости. М., 2006, № 48.

¹² Фурсов А.И. Рукотворный кризис (интервью Максиму Калашникову) // <<http://www.rpmonitor.ru>>. Ч. 1–4, 13–16 ноября 2006 г.; *его же*: Россия в «буре тысячелетия» // Завтра, 2007, № 3; *его же*: Русский ковчег // Завтра, 2007, № 5; *его же*: Великий глобальный перелом. Как рождается новый социум // Смысл. — М., 2007, № 10. С. 50–52; *его же*: Его прощальный поклон, или как уходит капитализм // <<http://www.apn.ru>>; *его же*: Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем и мир между ними. Капитал (изм) и Модерн — схватка скелетов над пропастью? // De futuro, или История будущего. М.: Политический класс; АИРО-XXI, 2008. С. 255–304.

Во-вторых, если все же искать подход, путь к ответу, то надо обратиться к все той же логике русской истории в ее связи с евразийской и мировой — эволюция крупных систем необратима, альтернатива — смерть системы. Существует прямая корреляция между структурами русской власти и историями и фазами развития капиталистической системы, т. е. циклами накопления и гегемониями. Так, голландской фазе соответствует Московское самодержавие, британской — Петербургское и американской — советский коммунизм.

Известно также, что переходы от одной фазы к другой, от одной гегемонии к другой осуществлялись в виде мировых войн, в которых морские державы (Великобритания, США) побеждали континентальные (Франция, Германия). Однако решающим фактором этих побед выступал гиперконтинентальный гигант Россия/СССР, оказывавшийся главным внешним регулятором внутри капиталистической борьбы за гегемонию¹³. В то же время, участие в мировых войнах за гегемонию, будь то косвенное и краткое, как в Тридцатилетней войне 1618–1648 гг., или непосредственное и долгосрочное, как в наполеоновских войнах и двух мировых войнах XX в., оказывало огромное влияние на структуры русской власти и истории. Так, финальная фаза генезиса самодержавия пришлась на время протомировой Тридцатилетней войны, а советский

¹³ Подр. см.: *Фурсов А.И.* Европейская система государств, англосаксы и Россия // *Дехийо Л.* Хрупкий баланс: Четыре столетия борьбы за господство в Европе. М.: КМК, 2005. С. 27–48; *его же*: Мировые геополитические шахматы: чемпионы и претенденты // *там же*. С. 244–313; *его же*: Третий Рим против Третьего Рейха: третья схватка. Советско-германский покер в американском преферансе // *Политический класс*. М., 2006, № 6. С. 83–91; № 7. С. 88–97; *его же*: Россия в последней мировой войне. Размышления в год 55-летия победы // *Культура*. М., 2000, № 17; *его же*: Нам есть еще за что сражаться // *Российская Федерация сегодня*. М., 2000, № 9; *его же*: Счет победителей. Невыученные уроки войн, проигранных Россией // *Политический журнал*. М., 2004, № 13. С. 2–5; *его же*: Глобамерика: Битвы Третьей мировой и ее итог // *Политический журнал*. М., 2005, № 16. С. 58–61; *его же*: Победитель не получает ничего: Россия в мировых войнах // *Политический журнал*. М., 2005, № 2. С. 78–81.

коммунизм стал средством выхода русской власти из кризиса, финалом которого для нее стала Мировая война 1914–1918 гг.

Наконец — и это самое главное — надо учитывать следующее: возникновение и самой русской власти, и качественно новых ее форм было тесно связано с тем ответом, который давала эта власть на кризисы, связанные с низким уровнем избыточного продукта, с проеданием материальной субстанции предыдущей эпохи, с решением, кто должен стать объектом изъятия средств, социального раскурочивания, решением, какая форма богатства будет создаваться — демократическая или олигархическая, какой путь развития выбирается — соответствующий целостным («национальным») или групповым («олигархическим») интересам.

Со всей остротой эти вопросы перед русской властью возникали дважды — в конце 1560-х и в конце 1920-х гг. В первом случае было проедено ордынско-удельное наследие, возник дефицит земли для раздачи ее в качестве поместий (некоторые — Ермолай Еразм — вообще советовали Ивану IV отказаться от практики раздачи поместий и перейти к вознаграждению в виде продовольственных пайков — что и сделала коммунистическая власть в XX в. по отношению к номенклатуре). Перед властью — в лице Ивана IV — встал вопрос: кто должен стать объектом перераспределения — верхушка (более 250 кланов) или массовый слой средних и мелких служилых людей — опоры центроверха. Ясно, что интересы последнего объективно совпадали с целостными, «национальными» интересами, тогда как опора на верхи вела к олигархизации самой власти и превращению ее в нечто польско-литовскоподобное — с одной стороны, и усилению экономического давления на огромные слои населения, прежде всего, на служилые, что подрывало армию и позиции России в целом.

Иван IV выбрал антиолигархический вариант; средством его реализации стала опричнина — эмбрион русской власти. Таким образом, само рождение русской власти и самодержавия как его конкретной формы было обусловлено жестким на-

ционально ориентированным социальным выбором. В противном случае, не было бы ни русской власти, ни России.

К 1929 г. было проедено дореволюционное самодержавное наследие; более того, обострились все проблемы, которые большевики унаследовали от позднего (пореформенного) самодержавия, прежде всего — аграрно-крестьянский вопрос, финансово-экономическая зависимость от Запада и сырьевая ориентация экономики.

У большевиков, у Сталина, как и Ивана IV, было два варианта. Первый — развитие по нэповскому пути, означавшему дальнейшее развитие сырьевой ориентации экономики, ослабление центроверха, олигархизацию власти в виде усиления эксклюзивного и весьма коррумпированного клуба «ленинская гвардия *с*ит герои Гражданской войны», усиление зависимости от промышленного Запада с угрозой утраты суверенитета (аналогичная угроза существовала в 1560–1570-е гг.). Второй вариант — антиолигархический, национально ориентированный, резко расширяющий социальную базу власти и увеличивающий численность ее персонификаторов. Реализовать этот вариант можно было только насильственным путем — собственно, только так и возникают все качественно новые системы. Сталинское руководство выбрало второй вариант. Результат — Коба превратился в Иосифа Грозного, а СССР — в сверхдержаву, совершив прыжок от сохи к атомной бомбе и в космос. Ну и, конечно же, возникла новая форма (структура) русской власти — коммунизм, адекватный XX в., а точнее — американскому циклу накопления, той его фазе, где главным агентом выступает государственно-монополистический капитализм (ГМК). Заметим: каждый раз новая форма русской власти рождалась на основе национально, «государственно» ориентированного выбора, альтернативой которому были ничтоизация, небытие.

Сегодня Россия в третий раз приближается к судьбоносной развилке. В ближайшие годы будет проедено советское наследие, и аккуратно к 100-летию Октябрьской револю-

ции перед русской властью (того, что от нее осталось после 1991 г.) со всей остротой встанет вопрос: кто будет главным объектом накопления и дальнейшего развития — масса населения или компрадорско-паразитическая верхушка; по какому пути пойдет Россия — «демократического богатства» или «олигархического богатства», национализации власти и экономики или полной олигархизации первой и второй, нации-государства (или даже нации-корпорации) или корпорации-государства¹⁴ — хищника, который, отказываясь от социальных и национальных обязательств, отсекает от «общественного пирога» основную массу населения и пилит пирог между собой.

Оба выбора носят острый, конфликтный и опасный характер, оба чреваты новой смутой, гражданской войной. Олигархический вариант со всей очевидностью ведет к окончательному исчезновению русской власти, распаду страны, деградации и постепенному исчезновению русских как носителей особого культурно-исторического типа и представителей белой расы. Национально-государственный вариант, который по определению будет жестким и мобилизационным, создает условия для возникновения новой — посткоммунистической, а не западно-либеральной, т. е. неолигархической — формы русской власти, сохранения и развития русского мира. Первый вариант означает гибель без борьбы. Второй — шанс на историческую победу посредством жестокой внутренней и внешней борьбы. Это тот выбор — быть или не быть России, новой форме русской власти и самим русским, — который предстоит сделать в самые ближайшие годы.

¹⁴ О корпорации-государстве см.: Фурсов А.И. Корпорация, она же государство // Эксперт. Украина. Киев, 2006, № 7. С. 52–57; *его же*: Кошмар светлого будущего // Москва. М., 2007, № 5; *его же*: Россия выбирает между нацией-государством и корпорацией-государством // Завтра, 2007, № 40; *его же*: Акционерное общество «государство» // Смысл. М., 2007, № 18. С. 66–69.

Неизвестный автор. Закладка Санкт-Петербурга. 1703 г.